

Александр Гарцев

Я ТВОЙ СЫН

Книга четвертая

18+

Александр Гарцев

Я твой сын

«Автор»

2026

Гарцев А.

Я твой сын / А. Гарцев — «Автор», 2026

«Я твой сын» Александра Гарцева — это история о том, что прошлое нельзя обмануть, что любовь не прощает предательства, а дети несут крест отцовских ошибок. Это роман-предупреждение, роман-исповедь, роман-реквием по утраченным надеждам. И вопрос, который звучит в каждой главе: можно ли искупить вину, если время упущено? Человек не признаётся в своих ошибках. Списывает ответственность на обстоятельства, на других людей. Предал — и всё. И кажется, нет проблем: живи себе и радуйся. Однако это не так. Наше прошлое всегда с нами. И расплата всегда одна — гибель души, а потом и тела».*

© Гарцев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Станция Шик. Последний билет	6
Глава 2. Город мёртвых заводов	8
Глава 3. Правда от Веры	9
Глава 4. Детдом. Волчонок	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Гарцев

Я твой сын

Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно

Автор.

Глава 1. Станция Шик. Последний билет

Январь 1982 года, станция Шик

Январь встретил станцию Шик лютыми морозами. Снег лежал высокими сугробами, искрился в свете редких фонарей, но не грел — только слепил глаза, отражая холодную луну. Ветер завывал в проводах, стучал в стены старого вагонника, где Алексей провёл последние годы своей жизни. За окном было тихо и пусто, и только редкие поезда проходили мимо, нарушая эту ледяную тишину.

Вагонник был маленьким и тесным. Железная печка давно остыла, и в воздухе висел морозный пар, смешанный с запахом сырости и старой бумаги. На столе лежала фотография Алевтины — та самая, с ямочками на щеках, с тёплой улыбкой, которую он помнил всю свою жизнь. Рядом с ней стояла старая кружка с облупившейся эмалью и письма, которые он так и не отправил.

Алексей сидел на краю койки, глядя на фотографию. Он знал, что это — его последняя ночь здесь. Он чувствовал это каждой клеткой своего старого, уставшего тела. За окном выла метель, но он не слышал её. Он слышал только голос Алевтины, который звучал в его голове: «Приди ко мне, Леш. Я жду тебя».

Он взял ручку и лист бумаги. Руки его дрожали, но он писал аккуратно, стараясь, чтобы буквы были ровными и красивыми.

«Мои дорогие дочки, Катя и Оля,

Я пишу вам это письмо, чтобы сказать вам то, что не сказал раньше. Я знаю, что я не был хорошим отцом. Я знаю, что я причинил вам боль. Я знаю, что я ушёл, когда вы нуждались во мне, и я не вернулся, когда вы ждали меня.

Я не прошу у вас прощения. Я знаю, что я не заслуживаю его. Но я хочу, чтобы вы знали: я всегда любил вас. Даже когда я был далеко, я думал о вас. Я гордился вами. Я хотел, чтобы вы были счастливы.

Я уезжаю. Я еду домой — в Красноярск, где всё начиналось. Я не знаю, вернусь ли я. Если я не вернусь — не ищите меня. Живите своей жизнью, свободной и счастливой. Вы заслуживаете лучшего, чем я мог вам дать.

Прощайте. Ваш отец, Алексей Вожгалов»

Он сложил письмо, запечатал конверт и написал адрес на обороте. Потом он положил письмо на стол, рядом с фотографией Алевтины, и поднялся.

Он надел старое пальто, которое носил ещё в Сибири, завязал шарф и взял свой потёртый чемодан. Внутри него лежали самое необходимое: несколько старых фотографий, письма Веры и маленький узелок с хлебом, который он собрал на дорогу. Больше у него ничего не было.

Он вышел из вагонника, и мороз ударил ему в лицо, обжигая кожу. Снег хрустел под ногами, и каждый шаг оставлял глубокий след в белой пустоте. Он шёл к станции, глядя на редкие огни, которые мерцали в темноте, и чувствовал, как внутри него нарастает странное спокойствие.

Вокзал был почти пустым. Только несколько пассажиров сидели на скамейках, и редкие работники сновали по залу. Алексей подошёл к кассе и сказал:

— Один билет до Красноярска.

Кассирша, пожилая женщина с усталым лицом, посмотрела на него с удивлением.

— Красноярск? Это на Урале. Далеко. В такую метель?

— Мне нужно, — сказал Алексей. — Это мой последний билет.

Она покачала головой, но взяла деньги и протянула ему билет. Он взял его, посмотрел на дату и время и убрал в карман.

Поезд пришёл через час. Алексей сел в вагон, нашёл своё купе и сел у окна. Поезд тронулся медленно, со скрипом, и станция Шик начала уплывать назад. Он смотрел на неё, на эту маленькую станцию, которая стала его домом на долгие годы, и чувствовал, как внутри него отпускает что-то последнее.

— Прощай, Шик, — прошептал он. — Прощай, Аня. Прощайте, дочки.

Он закрыл глаза, и поезд унёс его на запад — туда, где ждала правда, где ждала смерть, где ждала Алевтина.

От автора:

« Январь 1982 года. Станция Шик. Алексей купил последний билет в своей жизни. Он ехал в Красноярск, чтобы умереть на могиле той, которую любил. Он оставил письмо дочерям и ушёл в ночь, зная, что это — его последний путь».

Глава 2. Город мёртвых заводов

Февраль 1982 года, Красноярск

Февраль встретил Красноярск трескучими морозами и серым, тяжёлым небом. Снег лежал высокими сугробами, засыпая улицы, крыши, заборы. Город казался меньше, чем в юности Алексея — будто время сжало его, стянуло, оставив только самое необходимое. Деревянные дома обветшали, окна в них были тёмными, и только редкие огни светились в вечерней мгле. Заводские трубы дымили — но не так густо, как раньше, словно завод устал, как устал и сам город.

Алексей сошёл с поезда на том же вокзале, где когда-то начиналась его жизнь. Вокзал был старым, обшарпанным, с пыльными стёклами и редкими пассажирами. Он стоял на перроне, сжимая в руке свой потёртый чемодан, и смотрел на город, который когда-то был его домом. Всё здесь казалось ему чужим и знакомым одновременно. Те же улицы, те же дома, но они выглядели старше, беднее, устале.

Он пошёл по городу, и каждый шаг отдавался в его груди глухой болью. Он шёл мимо домов, которые помнил с юности, мимо парка, где когда-то встречался с Алевтиной, мимо старого клуба, где танцевал с Нинкой. Всё изменилось. Всё стало меньше, беднее, как будто город старел вместе с ним.

Он остановился у заводской проходной. Забор был всё таким же высоким, с колючей проволокой, но краска на нём облупилась, и ворота казались ржавыми. Он посмотрел на Доску Почёта — новую, с другими лицами, другими именами. Его фото уже давно не было там, и он знал, что его время прошло.

— Алексей? — раздался голос сбоку.

Он обернулся. У проходной стоял старый проходчик, тот самый, который когда-то проверял его пропуск. Он постарел — стал сгорбленным, седым, с морщинистым лицом, но глаза его были всё теми же — живыми, цепкими.

— Ты живой? — удивился он. — Я думал, ты в Сибири пропал. Столько лет не было слышно...

Алексей кивнул, чувствуя, как внутри него всё сжимается.

— Живой, — сказал он. — Ещё живой.

— А я думал, ты умер, — сказал проходчик, качая головой. — Столько лет... Ты куда пропал? Где был?

— В Сибири, — ответил Алексей. — Работал на железной дороге.

— А теперь? — спросил проходчик.

— Теперь... — Алексей посмотрел на заводские трубы, на серое небо, на этот город, который был ему и домом, и тюрьмой. — Теперь я вернулся.

Он повернулся и пошёл прочь от проходной, чувствуя, как старый проходчик смотрит ему вслед. Он шёл по улицам, и город казался ему городом мёртвых заводов — местом, где время остановилось, и где он должен был найти свой покой.

От автора:

«Февраль 1982 года. Красноярск. Алексей вернулся в город своей юности, но он стал чужим и бедным. Старый проходчик узнал его, но Алексей не задержался. Он пошёл дальше, к своей могиле, которую выбрал для себя».

Глава 3. Правда от Веры

Февраль 1982 года, квартира Веры, Красноярск

Февраль в этом году был особенно холодным. Мороз сковал улицы, и даже в домах воздух казался ледяным. Но в квартире Веры было тепло — печка гудела, наполняя комнату уютным жаром, и пахло старым чаем и сухими травами. Алексей сидел за столом, сжимая в руках гранёную кружку, и смотрел на Веру, которая стояла у плиты, разливая чай.

Она постарела. Волосы её стали совсем седыми, лицо покрылось морщинами, и руки дрожали, когда она ставила чайник на стол. Она избегала его взгляда, и в её движениях чувствовалась та же вина, которую она носила в себе долгие годы.

— Я знала, что ты придёшь, — сказала она, садясь напротив. — Я ждала тебя. Я знала, что однажды ты узнаешь правду.

— Я уже знаю, — сказал Алексей. — Я знаю всё. Про письма. Про Алю. Про Сашку.

Вера опустила голову, и слёзы потекли по её щекам.

— Я писала тебе 18 лет, — сказала она тихо. — Каждое письмо — ложь. Я думала, так тебе будет легче. Я думала, что если ты будешь знать, что она счастлива, ты сможешь жить. Но я ошибалась.

Алексей молчал, глядя на неё. Внутри него не было злости — только усталость и пустота.

— Ты сделала это из любви, — сказал он наконец. — Я не виню тебя.

Вера подняла глаза, и в них была такая боль, что Алексей вздрогнул.

— Как ты можешь не винить меня? — спросила она. — Я обманывала тебя. Я лишила тебя правды. Я сделала так, что ты никогда не узнал, как она страдала.

— Ты хотела как лучше, — сказал он. — Я понимаю. Но правда всё равно настигла меня.

Она смотрела на него долго, не мигая. Потом она поднялась и подошла к старому шкафу, где хранила папку с письмами.

— Я хочу, чтобы ты знал: я всегда хотела для вас счастья, — сказала она. — Я не хотела делать вам больно.

Алексей взял кружку и отпил глоток чая. Он чувствовал, как внутри него дрожит что-то важное, но не мог понять, что это. Боль. Прощение. Или просто усталость.

— Ты дала мне надежду, — сказал он. — Даже если она была ложной. Без неё я бы не выжил.

Вера закрыла лицо руками и заплакала.

— Прости меня, — прошептала она. — Прости меня за всё.

Алексей сидел напротив и смотрел, как она плачет. Он не мог утешить её. Он не мог утешить себя.

От автора:

« Февраль 1982 года. Квартира Веры. Алексей встретился с женщиной, которая 18 лет писала ему письма от имени умершей жены. Он сказал, что не винит её. Но внутри него дрожала та же боль, которую он носил в себе всю жизнь».

Глава 4. Детдом. Волчонок

Март 1982 года, детдом под Красноярском

Март в этом году был обманчивым. Днём солнце припекало так, что с крыш начинала капать вода, снег темнел, оседал, обнажая прошлогоднюю грязь. Но к вечеру снова ударял мороз, и всё замерзло — лужи, грязь, надежды. Детдом стоял на окраине города, за старым парком, где деревья ещё стояли голыми, чёрными, и только редкие почки набухали на ветках, обещая весну.

Алексей шёл по дорожке к главному входу, чувствуя, как внутри него нарастает тяжесть. Он уже был здесь однажды. Он помнил этот дом, эти стены, этот холод, который проникал в душу. Но сейчас он шёл сюда, чтобы узнать ещё больше. Чтобы понять, как жил его сын. Чтобы увидеть его следы, оставленные в этом казённом доме.

Внутри было тихо. Пахло дешёвым мылом, хлоркой и казённой едой. В коридоре было пусто, и только из одной комнаты доносились детские голоса — они играли, смеялись, не зная, что где-то рядом стоит человек, который потерял всё. Алексей остановился у двери с табличкой «Директор» и постучал.

— Войдите, — раздался сухой, строгий голос.

Он вошёл. За столом сидела женщина лет сорока — сухая, с острым носом и собранными в пучок тёмными волосами. Она была в строгом тёмном костюме, очки на цепочке висели на груди. Она подняла глаза на Алексея и смотрела на него с привычной настороженностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.